

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).

Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.411.171.1'42+81'27+811.411.171.1'22

ББК Ш161-51+Ш161-006.21+Ш100.2

ГРНТИ 16.21.27; 11.15.25

Код ВАК 5.9.8

Алнаджар Тарек Валед

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, twhn2022@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1526-5250>

Семиотика персональных символов в палестинском национальном дискурсе: типология, механизмы репрезентации и политико-коммуникативные функции

АННОТАЦИЯ. Предметом статьи является персональная символика в палестинском национальном дискурсе. Тема исследования связана с тем, каким образом отдельные политические, культурные, общественные и связанные с национальной борьбой фигуры превращаются в устойчивые символы, выходящие за пределы индивидуальной биографии. Цель работы состоит в выявлении основных типов таких фигур, механизмов их дискурсивной и вербально-визуальной репрезентации, а также выполняемых ими политико-коммуникативных функций. Методология исследования основана на качественном подходе, объединяющем семиотический анализ, дискурс-анализ и политико-коммуникативный анализ. В результате выделены четыре типа значимых персональных фигур: тело, сражающееся до конца; открытое / переговорное / осажденное тело; обездвиженное сопротивляющееся тело; скрытое или самоустраивающееся тело. Показано, что производство персональной символики осуществляется через номинацию, прозвища, фреймирование, метафору, местоимения, визуальный образ и цифровую циркуляцию. Практическая значимость результатов заключается в возможности их применения при анализе политического дискурса, национальной памяти и символической коммуникации в конфликтных обществах. Делается вывод, что палестинская персональная символика выступает не как прославление отдельных лиц, а как механизм воспроизводства легитимности, мобилизации, памяти, национального нарратива и борьбы за смысл.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, палестинская персональная символика, персональные символы, национальный дискурс, политико-коммуникативные функции, политическая семиотика, фреймирование, коллективная память, политическое представительство, палестинские символы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Алнаджар Тарек Валед, аспирант кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, email: twhn2022@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Алнаджар, Т. В. Семиотика персональных символов в палестинском национальном дискурсе: типология, механизмы репрезентации и политико-коммуникативные функции / Т. В. Алнаджар. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 59-68.

Alnajjar Tareq W. H.

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, twhn2022@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1526-5250>

The Semiotics of Personal Symbols in Palestinian National Discourse: Typology, Mechanisms of Representation, and Politico-Communicative Functions

ABSTRACT. This study analyzes personal symbolism in Palestinian national discourse. The research topic is related to how certain political, cultural, social, and national struggle-related figures become stable symbols that transcend individual biographies. The aim of the work is to identify the main types of such figures, the mechanisms of their discursive and verbal-visual representation, as well as the politico-communicative functions they perform. The research methodology is based on a qualitative approach that combines semiotic analysis, discourse analysis, and politico-communicative analysis. As a result, four types of significant personal figures have been identified: the person fighting to the end; the open / negotiable / besieged person; the immobilized, resisting person; the hidden or self-effacing person. It has been shown that the production of personal symbolism is carried out through nomination, nicknames, framing, metaphor, pronouns, visual imagery, and digital circulation. The practical significance of the results lies in the possibility of applying them to the analysis of political discourse, national memory, and symbolic communication in conflict societies. It is concluded that Palestinian personal symbolism does not serve as a glorification of individual figures, but rather as a mechanism for reproducing legitimacy, mobilization, memory, national narrative, and struggle for reason.

KEYWORDS: political discourse, Palestinian personal symbolism, personal symbols, national discourse, politico-communicative functions, political semiotics, framing, collective memory, political representation, Palestinian symbols.

AUTHOR'S INFORMATION: *Alnajjar Tareq W. H., Post-Graduate Student of Department of Foreign Area Studies and Local History, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.*

FOR CITATION: *Alnajjar T. W. H. (2026). The Semiotics of Personal Symbols in Palestinian National Discourse: Typology, Mechanisms of Representation, and Politico-Communicative Functions. In Political Linguistics. No 4 (118), pp. 59-68. (In Russ.).*

1. ВВЕДЕНИЕ

Устойчивое присутствие палестинского вопроса в публичном пространстве обеспечивается не только продолжением прямого политического действия, но и способностью палестинского национального дискурса производить значимые персональные фигуры, превращающиеся в носителей символических смыслов сопротивления, памяти, легитимности и представительства. Данное исследование сосредоточено не на материальных национальных символах (таких как куфия, ключ возвращения или оливковое дерево), а на персональной символике — на том, каким образом определенные политические, культурные, общественные и связанные с национальной борьбой фигуры становятся символами, выходящими за пределы индивидуальной биографии и выполняющими политико-коммуникативные функции в коллективном сознании.

Актуальность темы обусловлена тем, что символическая фигура в палестинском случае формируется не как изолированный индивидуальный образ, а как элемент более широкой дискурсивной и семиотической системы. Ее значение может проистекать из боевого присутствия, представительской позиции, физической слабости, переосмысленной в качестве нравственной силы, или исчезновения индивидуальных черт ради коллективного символа. Соответственно, задача статьи состоит не в ценностной оценке этих фигур, а в анализе механизмов их репрезентации и воспроизводства внутри палестинского национального дискурса.

Исследовательская проблема заключается в объяснении того, как палестинский национальный дискурс производит значимые персональные фигуры и обеспечивает их циркуляцию в коллективной памяти и национальном нарративе. Исходя из этого, центральный исследовательский вопрос формулируется так: каковы дискурсивные и вербально-визуальные механизмы производства значимых персональных фигур в палестинском национальном дискурсе и какие политико-коммуникативные функции они выполняют, поддерживая непрерывность национального нарратива?

Гипотеза исследования состоит в том, что устойчивость палестинских символических фигур определяется взаимодействием

колониального контекста, дискурсивно-визуальной репрезентации, социальной памяти и ценностных ориентиров, в рамках которых утрата превращается в коллективный символический смысл.

Научная новизна состоит в подходе к палестинской персональной символике как к смысловой системе, включающей несколько типов, а не как к набору отдельных биографий или разрозненных примеров. Предлагается аналитическая типология четырех основных типов значимых персональных фигур: тело, сражающееся до конца; открытое / переговорное / осажденное тело; обездвиженное сопротивляющееся тело; скрытое или самоустраняющееся тело. Исследование опирается на качественный подход, объединяющий семиотический анализ, дискурсивный анализ номинации, фреймирования и вербально-визуальной репрезентации, а также политический анализ функций этих фигур в палестинском национальном дискурсе.

2. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование основано на качественном подходе к анализу персональной символики в палестинском национальном дискурсе. Его цель — не создание исчерпывающего количественного корпуса, а разработка аналитической модели, объясняющей механизмы производства и циркуляции значимых персональных фигур в качестве политических и культурных знаков. Материалом служат репрезентативные примеры палестинских фигур, получивших символическое значение в политическом дискурсе, медиа, народной памяти, визуальной культуре, мемориальных практиках и цифровой коммуникации, включая способы их называния, устойчивые ценностные формулы и визуально считываемые признаки самой фигуры.

Эти примеры отобраны не как отдельные биографии, а как образцы различных типов персональной символики внутри палестинской национальной системы. Поэтому такие фигуры, как Ясир Арафат, Ахмад Ясин, Яхья Синвар, Далаль аль-Муграби, Мухаммад ад-Дурра, Фарис Уда, Абу Убайда, Махмуд Дарвиш, Гассан Канафани и Наджи аль-Али, рассматриваются не с точки зрения политической или моральной оценки их действий и

статуса, а с точки зрения того, каким образом конструируются их символические значения в палестинском национальном дискурсе.

Анализ опирается на три взаимосвязанных инструмента: семиотический анализ, позволяющий читать фигуру как сложный знак, выводящий за пределы индивида к смыслу жертвенности, стойкости, легитимности и представительства; дискурсивный анализ, прежде всего анализ номинации, фреймирования и вербально-визуальной репрезентации; и политико-коммуникативный анализ, изучающий функции этих фигур в легитимации, мобилизации, сохранении памяти и поддержании непрерывности национального нарратива. Данное методологическое ограничение оправданно, поскольку исследование нацелено на построение качественной аналитической модели, которая в дальнейшем может проверяться на более широком корпусе дискурсивных и визуальных материалов, а не на получение статистических данных или сплошного количественного измерения распространенности персональных символов.

3. ТЕОРЕТИКО-ПОНЯТИЙНЫЕ ОСНОВАНИЯ: ПЕРСОНАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Исследование опирается на четыре взаимосвязанных понятия: символ как сложный знак, символическая система, политический образ как фреймирующая конструкция и механизмы символического воспроизводства. Эти понятия используются как аналитические инструменты для объяснения превращения исторической личности в политический и культурный знак.

Символ понимается здесь не просто как известный образ или имя, а как знак, выходящий за пределы самого человека и отсылающий к более широким значениям — жертвенности, стойкости, легитимности и национального представительства. Символическая фигура рассматривается как носитель коллективного смысла, формирующегося внутри дискурса и меняющегося в зависимости от контекста, аудитории и способов восприятия [Barthes 1972: 109–159; Swedenburg 1990: 18–20; Шейгал 2004; Чудинов 2012].

Понятие символической системы обозначает совокупность значимых персональных фигур и способов их циркуляции в национальном дискурсе. В этом смысле палестинские символические фигуры изучаются не как изолированные случаи, а как элементы структуры, распределенной между ло-

кальным, национальным и международным уровнями [Khalili 2007: 17–21; Davis 2017: 69–73; Чудинов 2012].

Политический образ трактуется не как нейтральное отражение реальности, а как дискурсивно-коммуникативная конструкция, формируемая через отбор, акцентирование и интерпретацию. Теория фреймирования позволяет объяснить, каким образом фигура переводится с уровня события на уровень символа, способного циркулировать в национальном и международном пространстве [Entman 1993: 52–53; Муслех 2018: 87–97].

Под механизмами символического воспроизводства понимаются процессы, обеспечивающие продолжение существования значимой фигуры после ее первого появления: медиа, локальная память, номинация, мемориальные тексты, визуальная репрезентация и цифровая циркуляция. Эти механизмы закрепляют присутствие символа и позволяют заново интерпретировать его в разных поколениях и контекстах [Khalili 2007: 84–96; Nashif 2008: 113–130; Davis 2017: 74–80].

4. ТИПОЛОГИЯ ЗНАЧИМЫХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ФИГУР В ПАЛЕСТИНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Палестинский национальный дискурс производит не единую модель значимой персональной фигуры, а несколько символических типов, различающихся телесной организацией, способом публичного появления и политической, культурной или социальной принадлежностью. Поэтому палестинская значимая фигура не может рассматриваться как продолжение одной идеологической линии. Напротив, она формируется в плюралистическом национальном поле, включающем политические, полевые, культурные, профессиональные, локальные, женские и молодежные фигуры [Khalili 2007: 1–21; Nashif 2008: 1–20].

С этой точки зрения значимые персональные фигуры читаются не только как индивидуальные биографии, но и как повторяющиеся символические типы в национальном дискурсе. Можно выделить четыре основных типа: тело, сражающееся до конца; открытое / переговорное / осажденное тело; обездвиженное сопротивляющееся тело; скрытое или самоустраняющееся тело. Эти типы представляют собой не закрытую классификацию, а инструмент для понимания связи между телом, образом, номинацией, памятью и политической функцией символа [Khalili 2007: 113–149; Шейгал 2004; Чудинов 2012].

4.1. Тело, сражающееся до конца

Этот тип основан на соединении значимой фигуры с полемым действием и идеей прямого противостояния. Символическая насыщенность возникает здесь не только из лидерской позиции или публичной речи, но и из устойчивой связи между телом и действием, между личным присутствием и моментом опасности или смерти. Тем самым сражающееся тело превращается в знак боевой легитимности, суть которой — неразрывность слова и дела, лидерства и поля противостояния [Khalili 2007: 113–149].

К этому типу могут быть отнесены такие фигуры, как Изз ад-Дин аль-Кассам, Абд аль-Кадир аль-Хусейни и Далаль аль-Муграби. Их объединяет не единство исторического периода или идеологической принадлежности, а способ репрезентации в палестинском восприятии — как тел, присутствующих в момент прямого столкновения. Пример Далаль аль-Муграби обнаруживает, что образ сражающегося тела не сводится к мужской репрезентации сопротивления, но может нести гендерное измерение внутри символической системы [Khalili 2007: 126–129]. В современном контексте символика Яхьи Синвара может читаться в рамках этого типа, поскольку связывается с образом лидерского тела, не отделенного от поля противостояния, тогда как Ибрагим ан-Набульси представляет пример локального молодежного символа, выходящего за пределы города в национальное пространство через народную и цифровую рецепцию [Khalili 2007: 113–149; Davis 2017: 74–80].

4.2. Открытое / переговорное / посаженное тело

Этот тип связан с фигурой, значение которой формируется через публичное присутствие и прямую представительскую функцию. Здесь тело открыто, имя известно, политическая или культурная роль открыто обозначена, а фигура строится через способность представлять дело или коллектив перед внутренней и внешней аудиторией. В определенных обстоятельствах этот тип может смещаться от образа представителя или переговорщика к образу посаженного тела, в результате чего его значение переходит от политического представительства к символической стойкости [Entman 1993: 52–53; Чудинов 2012; Муслех 2018: 87–97].

Наиболее очевидным примером этого типа является Ясир Арафат, соединивший публичное политическое присутствие, международное представительство палестинского вопроса и, на позднем этапе, образ посаженного тела. В этом случае фигура

перестает быть лишь политическим актором и становится местом борьбы за признание, легитимность и сам образ палестинского вопроса [Муслех 2018: 87–97]. К этому типу в разной степени могут быть отнесены публичные политические и культурные фигуры, такие как Ханан Ашрауи в ее представительском измерении, Махмуд Дарвиш и Гассан Канафани — в культурно-символическом, Наджи аль-Али — в критическом карикатурном. Открытое присутствие не ограничивается политической фигурой в узком смысле, но охватывает любую публичную фигуру, заново представляющую палестинский вопрос как дискурс, память и идентичность [Rowland, Frank 2002: 1–16].

Этот тип показывает, что значимая фигура не всегда базируется на военном действии или организационной позиции; она может основываться также на способности производить язык, образ или национальное воображаемое. Отсюда — особая значимость Гассана Канафани и Наджи аль-Али, демонстрирующих, что слово и рисунок способны выполнять символическую функцию, близкую к функции политического или полевого тела, уплотняя память и заново представляя палестинца в национальном и международном пространствах.

4.3. Обездвиженное сопротивляющееся тело

Этот тип основан на очевидном символическом парадоксе: тело, несущее знаки слабости или инвалидности, воспроизводится в национальном дискурсе как тело высокой символической эффективности. Значимая фигура строится здесь не на образе физической силы или боевого присутствия, а на способности дискурса превращать видимую слабость в противоположное значение — стойкость, вызов и нравственную легитимность.

Ярким примером этого типа служит шейх Ахмад Ясин. В палестинском восприятии его тело прочитывалось не как знак беспомощности, а как знак вызова и способности влиять вопреки физическим ограничениям. Плотность этой модели возникает из напряжения между ограниченностью тела и расширением символического действия: телесная хрупкость не ослабляет символ, а напротив, может усиливать его, поскольку переводит фигуру в нравственное поле, обладающее сильным воздействием на коллективное сознание [Khalili 2007: 17–21].

В более широком смысле этот тип не исчерпывается физической инвалидностью, но раскрывает способность национального дискурса превращать позиции слабости или телесной уязвимости в источники символиче-

ской силы. Поэтому присутствие профессиональных и социальных фигур — врача, медсестры, матери, заключенного — может быть понято как модели, чья символика опирается не на жесткую силу, а на значения терпения, заботы, жертвенности и стойкости. В эту рамку в разной степени вписываются такие фигуры, как Абд аль-Азиз ар-Рантиси, Разан ан-Наджжар и Хадер Аднан [Nashif 2008: 113–130; Davis 2017: 74–80].

4.4. Скрытое или самоустраняющееся тело

Этот тип представляет собой более сложный случай, поскольку он основан не на подчеркивании индивида, а на уменьшении его визуального присутствия в пользу более широкого коллективного символа. Здесь иконический образ строится не из открытого лица или подробной индивидуальной биографии, а из самого отсутствия: отсутствия черт лица, сокрытия личного имени или растворения индивида в группе, идее, организации или деле.

Ярким примером этой модели является замаскированный представитель, как в случае Абу Убайды. Маска из куфии превращается из знака идентичности в инструмент ее сокрытия, так что фокус смещается с индивида на символическую функцию, которую он выполняет. Парадокс здесь в том, что устранение индивидуальности не ослабляет иконический образ, а может повышать его символическую плотность, загадочность и способность к циркуляции, поскольку фигура становится менее привязанной к индивидуальному телу и более связанной с коллективным воображением [Abdul-Dayyem, Ben-Ze'ev 2020: 849–852]. Тем самым эта модель отличается от открытого лидера или переговорщика: она производит свою символику из сокрытия, а не из появления, из голоса, а не из лица, из функции, а не из индивидуальной биографии [Rowland, Frank 2002: 17–29; Чудинов 2012].

Присутствие Хандалы как иконической графической фигуры может быть понято на границе этого типа, но не полностью внутри него. Хандала не является исторической фигурой в прямом смысле, а представляет собой воображаемый персонаж, превратившийся в квазиперсональный знак палестинского воображения. Он аккумулирует в себе смыслы детства, изгнания, ожидания и возвращения и выполняет дискурсивную функцию, близкую к функции реальных персональных фигур, уплотняя память и идентичность. Тем самым Хандала показывает, что палестинская символическая система производит свои символы не только из реальных тел, но и из воображаемых персонажей,

если они становятся способными циркулировать как носители коллективного смысла.

5. ДИСКУРСИВНЫЕ И ВЕРБАЛЬНО-ВИЗУАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОИЗВОДСТВА И ЦИРКУЛЯЦИИ ЗНАЧИМОЙ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ФИГУРЫ

Данный раздел переходит к анализу механизмов, превращающих рассмотренные выше типы тел в символы. Персональная фигура не становится значимой лишь в силу своего присутствия в политическом, полевым или культурном событии. Она обретает это качество благодаря дискурсивным и вербально-визуальным процессам, которые заново ее именуют (номинация), фреймируют, закрепляют ее образ и связывают с коллективной памятью, способной к дальнейшей циркуляции. Таким образом, персональная символика понимается не как автоматическое следствие индивидуальной биографии, а как постепенное дискурсивное и семиотическое конструирование [Barthes 1972: 109–159; Шейгал 2004; Чудинов 2012].

5.1. Номинация и прозвища как механизм производства символа

Номинация представляет собой один из ключевых механизмов превращения личности из исторического индивида в коллективный знак. Имя в политическом дискурсе выполняет не только идентифицирующую функцию, но и несет в себе смысловую нагрузку, определяющую позицию фигуры в коллективном сознании. Поэтому различие между «Ясир Арафат» и «Абу Аммар», между «Ахмад Ясин» и «шейх Ахмад Ясин», между личным именем и организационным или народным прозвищем — это не простое языковое различие, а различие в конструировании образа, легитимности и принадлежности [Шейгал 2004; Чудинов 2012].

Такие обозначения, как «шахид», «заключенный», «лидер», «шейх», «мать», «замаскированный представитель» или «символ», не просто описывают фигуру, но заново вписывают ее в определенную ценностную систему. Они переносят фигуру с уровня индивида на уровень роли, а с уровня частной биографии — на уровень коллективной функции, закрепляя за ней место в более широком нарративе о жертвенности, стойкости, представительстве и памяти [Khalili 2007: 84–96; Nashif 2008: 113–130].

Значение номинации особенно очевидно, когда прозвище становится более употребительным, чем личное имя. Так, «Абу Аммар» отсылает к отцовскому и политически объединяющему образу в национальном сознании, а «шейх» в случае Ахмада Ясина привязывает фигуру к религиозному и нрав-

ственному полю. В случае же замаскированного представителя отсутствие личного имени или его оттеснение на второй план позволяет превратить фигуру в дискурсивную функцию, а не в индивидуальную личность: сокрытие имени становится частью производства символа, а не его дефицитом.

5.2. Дискурсивное фреймирование: от события к смыслу

Простого факта события или появления фигуры недостаточно для ее превращения в символ: необходима дискурсивная рамка, определяющая способ ее прочтения. Теория фреймирования объясняет этот процесс тем, что дискурс не отражает факты нейтрально, а отбирает их отдельные элементы, акцентирует их и связывает с причинным объяснением, моральной оценкой или политической функцией [Entman 1993: 52–53]. Вследствие этого одна и та же фигура может быть представлена в рамках «сопротивления» или «угрозы», «шахидства» или «насилия», «стойкости» или «экстремизма» — в зависимости от производителя дискурса и его политико-медийного контекста.

В палестинском национальном дискурсе значимая персональная фигура обычно фреймируется через ее связь со смыслами жертвенности, стойкости, верности, представительства и справедливости. В противоположных дискурсах, особенно в некоторых формах официального и медийного израильского и западного дискурса, та же фигура может быть вновь представлена как знак «подстрекательства», «угрозы безопасности» или «терроризма». Таким образом, символическая фигура становится не просто объектом упоминания или репрезентации, а местом интерпретационного конфликта [Entman 1993: 52–53; Чудинов 2012].

Значение фреймирования особенно заметно в случаях, когда символика фигуры возникает из одного концентрированного образа или момента: ребенка-шахида, юноши в неравном противостоянии, осажденного тела, заключенного, объявившего голодовку. В этих случаях визуальный образ не действует изолированно, а функционирует внутри языковой рамки, задающей его значение: является ли этот образ жертвой, сопротивляющимся, свидетелем насилия или объектом угрозы? Производство значимой фигуры, таким образом, всегда требует устойчивой связи между образом и дискурсом, который его интерпретирует и закрепляет [Davis 2017: 74–80; Abu-Ayyash 2024: 1–6].

5.3. Метафора и ценностные формулы

Политическая метафора играет важную роль в уплотнении образа значимой персо-

нальной фигуры. Национальный дискурс не просто описывает такие фигуры, но переосмысляет их через устойчивые символические образы: «тело-крепость», «голос, который не исчезает», «икона», «корень», «совесть», «свидетель», «лицо стойкости». Эти метафоры, взаимодействуя с визуально считываемыми признаками фигуры, переводят ее с уровня отдельного события на уровень воспроизводимого и повторно вызываемого смысла [Барт 1972: 109–159; Barthes 1977; Mitchell 1994; Чудинов 2012; Шейгал 2004].

Особенно заметно это в репрезентации сражающегося тела. В случаях Абд аль-Кадира аль-Хусейни и Яхьи Синвара формулы «стойкость», «готовность стоять до конца», «отказ от отступления» соединяются с визуальными образами поля боя, осажденного пространства, последнего появления, похоронной сцены или последующего тиражирования изображения. В результате тело участника события перестает быть только биографическим фактом и превращается в визуально-вербальный знак продолжения борьбы. Эти примеры не отождествляются политически или исторически, а показывают общий семиотический механизм перевода физического присутствия в момент опасности в ценностную формулу стойкости.

Иной механизм действует в случае осажденной или ограниченной фигуры, прежде всего в символической репрезентации Ясира Арафата последних лет. Формулы «стойкость», «осада», «твердость», «непокоренность» соединяются с визуальными образами закрытого пространства, окружения, разрушенного здания, ограниченного движения или изолированного тела. В то же время имя «Абу Аммар» работает внутри вербального ряда: оно усиливает не только политическое значение фигуры, но и ее эмоционально-патерналистскую близость. В таком взаимодействии осада перестает быть только материальным фактом и превращается в метафору сохранения палестинского дела под давлением.

Особое значение имеет метафоризация уязвимого тела, например в образе шейха Ахмада Ясина или фигуры палестинского заключенного. Обездвиженное, раненое, заключенное, голодающее или подвергнутое опасности тело прочитывается через парадокс, обращающий видимую слабость в знак силы и нравственной легитимности. Здесь формулы «терпение», «достоинство», «стойкость», «жертвенность» взаимодействуют с визуальными знаками телесной ограниченности: инвалидной коляской, тюремной решеткой, больничной палатой, медицинской одеждой или истощенным телом. В этом

контексте титул «шейх» также входит в вербальный ряд: он не отменяет телесную слабость, а переводит ее в регистр нравственного авторитета, духовной устойчивости и символической преемственности [Allen 2013; Khalili 2007: 113–149; Nashif 2008: 113–130].

В случае скрытой или коллективной фигуры, например Абу Убайды или Мухаммада Дейфа, символизация строится вокруг отсутствия лица. Формулы «голос сопротивления», «голос, который не исчезает», «коллективный голос», «невидимый командир» соотносятся с визуальными элементами маски, затемненного лица, редкой фотографии или полного отсутствия изображения. Здесь визуальная неполнота не ослабляет символ, а усиливает его: внимание переносится с индивидуальной биографии на функцию, голос, имя или коллективное представительство. Поэтому прозвище «аль-Мулятта» действует как часть вербального ряда, объясняющего визуальный знак маски: скрытое лицо превращается в голос коллективного субъекта.

Наконец, в случае воображаемой или иконической фигуры, прежде всего Хандалы, вербальный ряд строится вокруг формул «возвращение», «изгнание», «ожидание», «молчаливый отказ», тогда как визуальный ряд представлен устойчивым образом ребенка, повернутого спиной, со скрещенными за спиной руками. Символическая сила возникает здесь не из биографической реальности персонажа, а из повторяемости визуального знака и его связи с ключевыми ценностными формулами палестинского дискурса. Поэтому Хандаля функционирует как визуальная метафора незавершенного возвращения и как постоянный свидетель продолжающейся несправедливости.

Таким образом, метафоры, имена, куньи, прозвища и титулы не образуют отдельный уровень анализа, а входят в общий вербально-визуальный механизм репрезентации. Вербальные формулы задают ценностную рамку фигуры, а визуальный ряд делает эту рамку узнаваемой, эмоционально насыщенной и пригодной для повторного воспроизведения. Именно во взаимодействии слова и образа формируются основные семиотические модели: тело как крепость, голос как коллективное присутствие, уязвимость как моральная сила, отсутствие лица как знак общности, иконический образ как память о незавершенном возвращении.

Эти метафоры и номинации связаны с повторяющимися ценностными формулами: «жертвенность», «стойкость», «твердость», «достоинство», «верность», «память», «возвращение». Данные формулы действуют как

общая смысловая ткань, позволяющая символике переходить между фигурами, принадлежащими к разным социальным и политическим полям: боец, врач, инженер, поэт, заключенный, мать, медсестра, ребенок или воображаемый персонаж могут входить в одну и ту же символическую систему, поскольку дискурс связывает их с ценностями, выходящими за пределы их индивидуальных ролей [Khalili 2007: 113–149; Nashif 2008: 113–130].

5.4. Местоимения и оппозиция «мы / они»

Местоимения участвуют в превращении значимой персональной фигуры из индивидуального субъекта в коллективный знак. Выражения «мы», «наш народ», «наше дело», «наша земля» не выполняют нейтральную грамматическую функцию, а очерчивают границы коллективного субъекта и включают фигуру в национальный нарратив [Шейгал 2004; Чудинов 2012; Муслех 2018: 87–97].

Оппозиция «мы / они» закрепляет фигуру внутри конфликтных отношений: она определяется не только тем, что представляет для своей группы, но и тем, как соотносится с другой стороной, подаваемой как источник насилия, изгнания, блокады или делегитимации. Этот механизм замечен в представительской модели Ясира Арафата, где личное имя соединяется с позицией коллективного голоса, и в модели замаскированного голоса, где индивидуальная биография отступает перед неперсонализированным «мы».

5.5. Образ, визуальная репрезентация и цифровая циркуляция

Палестинская персональная символика неотделима от визуального образа. Фотография, телевизионный кадр, плакат, настенное изображение, карикатура или цифровой материал играют центральную роль в закреплении фигуры в памяти. Однако образ не действует изолированно, а включен в отношения с текстами, прозвищами, комментариями и мемориальными практиками, которые определяют и воспроизводят его значение [Khalili 2007: 84–96; Davis 2017: 69–85; Abu-Ayyash 2024: 1–14].

С этой точки зрения можно понять силу отдельных визуальных знаков: куфия, маски, инвалидной коляски, настенного изображения, образа ребенка, образа заключенного или карикатурной фигуры, как в случае Хандалы. Эти элементы являются не внешними деталями, а знаками, концентрирующими в себе позицию и функцию фигуры в дискурсе: куфия связывает с национальной идентичностью, маска превращает индивида в коллективный голос, инвалидная коляска пере-

осмысляет телесную слабость как нравственную стойкость, а Хандаля аккумулирует опыт изгнания, ожидания и возвращения.

Цифровая циркуляция увеличила скорость распространения и переосмысления этих символов. Образ больше не ограничен плакатом, настенным изображением или прессой — он может быть заново опубликован, прокомментирован и модифицирован в различных цифровых пространствах. Однако это же пространство стало и полем борьбы за символ: через усиление его присутствия, с одной стороны, и через удаление, ограничение доступа или повторное фреймирование в рамках политики платформ и дискурсов безопасности — с другой.

6. ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ПЕРСОНАЛЬНОЙ СИМВОЛИКИ

После того как значимая персональная фигура формируется через различные телесные и дискурсивные типы, она начинает выполнять политико-коммуникативные функции в палестинском национальном дискурсе. Такая фигура действует не только как выразительный образ, но и как смысловой ресурс, участвующий в производстве легитимности, мобилизации, сохранении памяти и предотвращении разрыва национального нарратива. Поэтому ее значение определяется не индивидуальным присутствием как таковым, а способностью превращать частный опыт в коллективный смысл, пригодный для циркуляции [Шейгал 2004; Чудинов 2012; Khalili 2007: 84–96].

6.1. Легитимация и представительство

Значимые персональные фигуры выполняют фундаментальную функцию легитимации и представительства. Когда фигура превращается в символ, она перестает быть лишь индивидом с частной биографией и становится посредником в представлении дела, группы или определенного типа национального действия. Тем самым символическая фигура действует как концентрированная форма легитимности: легитимности борьбы, политического представительства или нравственной легитимности жертвенности и стойкости [Khalili 2007: 113–149].

Эта функция особенно заметна в открытых и представительских фигурах, таких как Ясир Арафат, чье политическое тело присутствует не только как индивидуальный субъект, но и как место представления народа и палестинского вопроса перед внутренней и внешней аудиторией [Муслах 2018: 87–97]. В разной степени она применима и к культурным и политическим фигурам, таким как Махмуд Дарвиш, Ханан Ашрауи и Гассан Канафани: Дарвиш придает палестинскому

вопросу эмоциональную и культурную легитимность, Канафани связывает легитимность с культурным и нарративным действием сопротивления, а Ашрауи представляет тип дискурсивной и дипломатической легитимности [Rowland, Frank 2002: 1–16; Чудинов 2012].

Легитимация не ограничивается политическими лидерами. Она может производиться также через страдающее, осажденное, бездвигательное тело или тело заключенного — в этих случаях легитимность основана не на официальном статусе, а на нравственной ценности, которую дискурс придает опыту утраты, боли или стойкости [Nashif 2008: 113–130; Davis 2017: 74–80].

6.2. Символическая мобилизация и заполнение представительского разрыва

Персональная символика выполняет также мобилизационную функцию — не только в узком организационном смысле, но и в дискурсивном и эмоциональном измерении. Общество, находящееся в условиях насилия и блокады, нуждается в образах и фигурах, которые придают повседневному опыту смысл и превращают утрату в возможность продолжения. Поэтому значимая фигура действует как точка концентрации коллективного чувства и как символический ориентир, заново связывающий индивидов с коллективом и национальным нарративом [Khalili 2007: 84–96; Davis 2017: 69–85].

Эта функция усиливается, когда прежний символ исчезает вследствие убийства, заключения, блокады или временной дистанции: исчезновение фигуры не отменяет потребности в символе, а воспроизводит ее в новых формах. Это можно наблюдать в появлении молодежных или локальных символов, таких как Ибрагим ан-Набульси, а также профессиональных и гуманитарных символов, таких как Разан ан-Наджжар, где локальная или профессиональная позиция превращается в носителя более широкого национального смысла [Davis 2017: 74–80].

6.3. Сопротивление психологическому поражению и превращение утраты в смысл

Одна из важнейших функций персональной символической состоит в сопротивлении психологическому поражению через превращение утраты в политический и нравственный смысл. Значимая фигура оценивается не только по тому, чего она достигла в материальном или политическом плане, но и по способности закреплять идею продолжения и предотвращать разрыв национального нарратива. Поэтому убийство, заключение,

осада или телесная ограниченность не обязательно означают конец символа; в палестинском национальном дискурсе они могут становиться условиями его концентрации, распространения и включения в коллективную память [Khalili 2007: 84–96].

В этом контексте разные типы символического тела получают сходную функцию продолжения: тело, сражающееся до конца, читается как знак отказа от отступления; осажденное тело — как знак стойкости под давлением; обездвиженное тело — как доказательство того, что физическая ограниченность не отменяет символической эффективности; скрытое тело — как переход от индивида к коллективному голосу [Khalili 2007: 113–149; Abdul-Dayyem, Ben-Ze'ev 2020: 849–867]. Тем самым утрата перестает быть немим финалом и превращается в форму памяти, через которую частный опыт включается в более широкий национальный смысл.

Эта функция проявляется и в культурных и художественных фигурах. Символика Гасана Канафани и Наджи аль-Али связана со способностью слова и рисунка противостоять образу палестинца как сломленного или лишенного голоса. Ханда, будучи воображаемой иконической фигурой, представляет особый случай персональной символики: ему не нужен исторический индивид для функционирования, поскольку он превращает опыт изгнания, ожидания и возвращения в устойчивый образ палестинской визуальной памяти [Rowland, Frank 2002: 17–29].

Память здесь действует не только как сохранение прошлого, но и как постоянное воспроизводство смысла. Обращение к фигурам разных поколений — от Изз ад-Дина аль-Кассамы и Ясира Арафаты до Махмуда Дарвиша и Ибрагима ан-Набульси — формирует не линейное повествование, а сеть памяти, в которой новый символ не отменяет предыдущий, а активизирует его или добавляет новый смысловой слой [Swedenburg 1990: 18–30; Khalili 2007: 1–21]. Поэтому непрерывность национального нарратива основана не на сохранении одного символа или одного типа, а на способности дискурса производить новые символы из разных позиций: политического лидера, локального бойца, заключенного, поэта, женщины, ребенка или графического персонажа.

6.4. Борьба за символ и контрфреймирование

Персональная символика выполняет свои функции не только внутри палестинского пространства, но и вступает в более широкую борьбу за смысл. Чем сильнее символическое присутствие палестинской фигуры, тем чаще она становится объектом повтор-

ного фреймирования в противоположных дискурсах. В палестинском национальном дискурсе такая фигура может читаться в рамках шахидства, стойкости, представительства или памяти, тогда как в некоторых формах официального и медийного израильского и западного дискурса она переопределяется через рамки угрозы, подстрекательства или безопасности. Поэтому борьба вокруг символической фигуры является спором не только об отдельном человеке, но и о языке его называния, допустимом образе и рамке, в которой его опыт должен быть прочитан [Entman 1993: 52–53; Чудинов 2012; Grimm, Mauthofer 2025].

Борьба за символ проявляется и в цифровом пространстве — через удаление, ограничение доступа или повторное фреймирование в рамках политики платформ и дискурсов безопасности. Это подтверждает, что персональная символика не является второстепенным элементом национального дискурса, а выступает активным политическим ресурсом: попытки искажения или ограничения не отменяют силы символа, а, напротив, обнаруживают его способность воздействовать на публичное пространство.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что персональная символика в палестинском национальном дискурсе действует как дискурсивно-семиотический механизм производства политического смысла. Палестинская значимая фигура формируется не по единой модели, а в рамках четырех типов символического тела, различающихся способом репрезентации, степенью видимости и политико-коммуникативной функцией.

Такие фигуры становятся символами посредством номинации, прозвищ, фреймирования, метафоры, местоимений, визуального образа и цифровой циркуляции. Эти механизмы переводят частный опыт на уровень коллективного знака, способного участвовать в легитимации, мобилизации, сохранении памяти, поддержании национального нарратива и борьбе за интерпретацию.

Таким образом, палестинская персональная символика представляет собой открытую структуру, превращающую тело, имя, образ, отсутствие и утрату в ресурсы воспроизводства национального смысла. Ее значение состоит не в прославлении отдельных лиц, а в связывании индивидуального опыта с коллективной памятью и борьбой за представительство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Муслех, Х. А. Р. Стратегия убеждения в речах палестинского лидера Ясира Арафаты / Х. А. Р. Муслех // Полити-

ческая лингвистика. — 2018. — № 1 (67). — С. 87–97. — DOI 10.26170/pl18-01-10. — EDN YSUNNH.

2. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — 4-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 254 с. — ISBN 978-5-89349-897-4. — EDN UUAHYZ.

3. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 324 с. — ISBN 5-7333-0144-9. — EDN QODCTF.

4. Abdul-Dayyem, M. The shahid as a Palestinian icon: negotiating meanings / M. Abdul-Dayyem, E. Ben-Ze'ev // *British Journal of Middle Eastern Studies*. — 2020. — Vol. 47. — № 5. — P. 849–867. — DOI 10.1080/13530194.2019.1580184.

5. Abu-Ayyash, S. Representations of Palestinian Culture in the Digital Public Sphere: A Semiotic Analysis of the Thobe and the Keffiyeh / S. Abu-Ayyash // *Social Media + Society*. — 2024. — Vol. 10, № 1. — P. 1–14. — DOI 10.1177/20563051231224274. — EDN HBFVOZ.

6. Allen, L. The Rise and Fall of Human Rights: Cynicism and Politics in Occupied Palestine / L. Allen. — Stanford, 2013. — 280 p. — ISBN 978-0-8047-8470-2.

7. Barthes, R. Mythologies / R. Barthes ; transl. by A. Lavers. — New York : Hill and Wang, 1972. — 160 p. — 0-374-52150-6.

8. Barthes, R. Rhetoric of the Image / R. Barthes // *Image, Music, Text* / ed. and transl. by S. Heath. — London : Fontana Press, 1977. — P. 32–51.

9. Davis, R. The Politics of Commemoration among Palestinians / R. Davis // *Journal of Palestine Studies*. — 2017. — Vol. 47, № 1. — P. 69–85. — DOI 10.1525/jps.2017.47.1.69.

10. Entman, R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm / R. M. Entman // *Journal of Communication*. — 1993. — Vol. 43, № 4. — P. 51–58. — DOI 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x. — EDN HJMFXX.

11. Grimm, J. J. Multi-Perspectivity & Ethical Representation in the Context of Gaza & October 7: Addressing the Semantic Void / J. J. Grimm, L. Mauthofer // *Daedalus*. — 2025. — Vol. 154. — № 2. — P. 169–188. — DOI 10.1162/daed_a_02146. — EDN BMPOJF.

12. Khalili, L. Heroes and Martyrs of Palestine: The Politics of National Commemoration / L. Khalili. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2007. — 260 p. — ISBN 978-0-521-86512-8.

13. Mitchell, W. J. T. Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation / W. J. T. Mitchell. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1994. — 462 p. — ISBN 978-0226532325.

14. Nashif, E. Palestinian Political Prisoners: Identity and Community / E. Nashif. — London ; New York : Routledge, 2008. — 248 p. — ISBN 978-1134065974.

15. Rowland, R. C. Shared Land/Conflicting Identity: Trajectories of Israeli and Palestinian Symbol Use / R. C. Rowland, D. A. Frank. East Lansing : Michigan State University Press, 2002. — 406 p. — ISBN 0-87013-635-6.

16. Swedenburg, T. The Palestinian Peasant as National Signifier / T. Swedenburg // *Anthropological Quarterly*. — 1990. — Vol. 63, № 1. — P. 18–30. — EDN HFCJAL.

REFERENCES

1. Muslekh, Kh. A. R. (2018). Strategiya ubezhdeniya v rechakh palestinskogo lidera Yasira Arafata = Persuasion strategy in the speeches of Palestinian leader Yasser Arafat. *Political Linguistics*, 1(67), 87–97.

2. Chudinov, A. P. (2012). Politicheskaya lingvistika = Political linguistics (4th ed.). Moscow: Flinta; Nauka.

3. Sheygal, E. I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse. Moscow: Gnosis.

4. Abdul-Dayyem, M., Ben-Ze'ev, E. (2020). The shahid as a Palestinian icon: Negotiating meanings. *British Journal of Middle Eastern Studies*, 47(5), 849–867.

5. Abu-Ayyash, S. (2024). Representations of Palestinian culture in the digital public sphere: A semiotic analysis of the thobe and the keffiyeh. *Social Media + Society*, 10(1), 1–14. <https://doi.org/10.1177/20563051231224274>.

6. Allen, L. (2013). The rise and fall of human rights: Cynicism and politics in occupied Palestine. Stanford: Stanford University Press.

7. Barthes, R. (1972). Mythologies (A. Lavers, Trans.). New York: Hill and Wang.

8. Barthes, R. (1977). Rhetoric of the image. *R. Barthes, Image, music, text* (S. Heath, Ed. & Trans.), 32–51. London: Fontana Press.

9. Davis, R. (2017). The politics of commemoration among Palestinians. *Journal of Palestine Studies*, 47(1), 69–85.

10. Entman, R. M. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*, 43(4), 51–58. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>.

11. Grimm, J. J., & Mauthofer, L. (2025). Multi-perspectivity and ethical representation in the context of Gaza and October 7: Addressing the semantic void. *Daedalus*, 154(2), 169–188. https://doi.org/10.1162/daed_a_02146.

12. Khalili, L. (2007). Heroes and martyrs of Palestine: The politics of national commemoration. Cambridge: Cambridge University Press.

13. Mitchell, W. J. T. (1994). Picture theory: Essays on verbal and visual representation. Chicago: University of Chicago Press.

14. Nashif, E. (2008). Palestinian political prisoners: Identity and community. London ; New York : Routledge.

15. Rowland, R. C., Frank, D. A. (2002). Shared land/conflicting identity: Trajectories of Israeli and Palestinian symbol use. East Lansing: Michigan State University Press.

16. Swedenburg, T. (1990). The Palestinian peasant as national signifier. *Anthropological Quarterly*, 63(1), 18–30.